

Ю. Л. Халтурин

ОТНОШЕНИЕ РУССКИХ МАСОНОВ XVIII–XIX вв. К ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ОПЫТ ТИПОЛОГИИ

Отношение русских масонов к русской православной церкви является одним из самых проблематичных, противоречивых и, можно сказать, болезненных вопросов изучения истории и идеологии русского масонства.

Действительно, некоторые исследователи, например, М. Н. Лонгинов и А. Н. Пыпин, основатели отечественного масоноведения, считали, что хотя бы в глазах самих русских «братьев» масонство было вполне совместимо с православием. В частности, основатели отечественного «масоноведения» Лонгинов и Пыпин ссылаются на благоприятное мнение митрополита Платона о Новикове как «истинном христианине» и на его благосклонное отношение к новиковскому кружку и масонству в целом как организации и учению, которые не противоречат христианству¹. Для указанных авторов также важно, что московские розенкрейцеры в обилии переводили и публиковали труды Отцов Церкви, в своих официальных документах признавали общий источник масонских обрядов и обрядов Греко-Российской церкви, отмечали важное значение монастырских архивов в поиске тайного христианского учения, а также тот факт, что среди масонов было несколько священников. Кроме того, Пыпин и Лонгинов указывали, что масонское законодательство предписывает подчиняться законам своей страны и своей церкви.

Существует и прямо противоположная точка зрения на отношения масонов и православной церкви в XVIII–XIX вв. Например, такие исследователи как В. В. Зеньковский и Ю. Е. Кондаков подчеркивают критическое отношение Лопухина, Лабзина, Сперанского, Руничя, Голицына к «внешней церкви», а также «внецерковный» и «надцерковный» характер их учения². А. И. Незеленов, в начале своего исследования на-

¹ См. Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. — М., 1867. — С. 258–260; Пыпин А. Н. Существенные черты русского масонства в XVIII столетии // Покровский В. И. Николай Иванович Новиков: его жизнь и сочинения. — М., 2010. — С. 102.

² См.: Зеньковский В. В. История русской философии. — Т. 1. — Ч. 1. — Л., 1991. — С. 110; Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века — СПб., 2005.

зывая русское розенкрейцерство «монашеством в миру», в конце приходит к выводу о сходстве масонства с «раскольнически-языческими сектами»³. Известная исследовательница русского масонства Т. О. Соколовская также была склонна подчеркивать конфликтные отношения масонов и церкви с обеих сторон и писала следующее: «Духовенство обвиняло масонов в ереси. И оно было в этом отношении совершенно право: с точки зрения всех христианских вер масоны были сектантами, введшими новые образы служения Богу»⁴.

Наконец, некоторые авторы колеблются в точном определении отношения масонов к церкви. В частности, А. П. Миллюков писал о том, что мыслящая часть русского дворянства нашла в масонстве выход из противоречия между вольтерьянством и религией. С одной стороны, масонство «представлялось им вполне совместным с самыми строгими требованиями православия», а с другой стороны «масонство было для нее (интеллигенции) своего рода духовным христианством» или даже «толстовством» — внецерковной, толерантной, универсальной формой религиозности⁵.

Чем обусловлено такое разнообразие и неопределенность точек зрения на проблему отношения масонов и церкви? Вероятно, основной причиной является неоднозначность отношения самих масонов к православной церкви, связанная с неоднородностью масонства и эклектизмом масонского мировоззрения.

Индивидуальные, социальные, исторические факторы, влиявшие на отношение масонов к церкви, требуют более тщательного и детального анализа на основе разнообразных исторических источников и фактов, и такое полное исследование проблемы — дело будущего. В данной статье предпринята попытка подойти к вопросу об отношении масонов к православной церкви не столько исторически, сколько типологически. На данном этапе необходимо хотя бы выявить основные модели отношения масонов к православной церкви, дабы прояснить путаницу в точках зрения на этот вопрос среди исследователей, а также задать рамки для более подробного исторического исследования, которое сможет показать, как, когда и почему эти модели сменяли друг друга (либо сосуществовали параллельно).

Можно выделить три основных модели отношения русских масонов к православной церкви: 1) оппозиция, 2) дополнение, 3) включение.

Оппозиционная, критическая модель наиболее ярко представлена, например, в следующих словах из одной масонской речи первой четверти XIX века: «Достоп. Брр.! Осмеливаюсь и теперь вас удостоверить в том же, в чем и прежде несколько раз удостоверял, что нет иного пути для познания таинств Божиих (из коих наивеличайшее есть Божественная Евхаристия), как Пути Божественной Премудрости, открытой нам во Святом Ордене нашем»⁶. Как видно, в этом тексте утверждается святость ордена и его особая роль как единственного пути познания Божества. По сути, в рамках такой модели масонский орден заменяет собой церковь, экспроприруя ее таинства, в частности такое важное, как Евхаристия. Характерно также, что далее по тексту Евхаристия описывается в алхимических терминах — Тело Христово называется

³ Незеленов А. И. Николай Иванович Новиков, издатель журналов.— СПб., 1875.— С. 139.

⁴ Соколовская Т. О. Русское масонство и его значение в истории русского общественного движения (XVIII и первая четверть XIX-го века).— СПб., 1907.— С. 75.

⁵ Миллюков А. П. Значение масонства в истории общественного развития России // Покровский В. И. Николай Иванович Новиков: его жизнь и сочинения.— М., 2010.— С. 130–131.

⁶ Речь о таинстве Евхаристии, произнесенная в великий пяток // НИОР РГБ. ф. 14. е. х. 316.— Л. 7 об.

«квинт-эссенцией», Кровь Христова — «тинктурой», само причащение — «магическим алканием». Массонство объявляется носителем особой благодати и благочестия, их единственным источником для верующего, но благодать эта явно носит магический, оккультный характер.

Далее, такая модель предполагает не только избранность ордена, но и профанный характер исторической церкви, ее факультативность и ненужность: «Ежели не станем прилежно изучаться тому, что нам Святым Орденом предписано, т. е. познавать Бога, самих себя и натуру, то поверьте, что останемся при том же внешнем ведении даже и самой нашей Религии и всего сотворенного, как и все профаны»⁷.

По сути, орден как бы присваивает себе функции церкви, что отменяет необходимость в ней самой, в ордене люди обретают «истинное христианство», которого уже нет в церкви: «Ежели бы благочестивый Христианин сделал вопрос Массону о том, что его привлекает к Массонству, то можно прямо отвечать, что он Массонству обязан ведением о истинном христианстве»⁸, — массонству, а не Священному Писанию или Отцам Церкви. Наоборот, «духовенство потеряло руководствующую к истинным откровениям нить»⁹.

Коль скоро массонство и есть подлинная церковь, вольные каменщики зачастую объявляли Иисуса Христа своим мастером, т. е. по сути непосредственным руководителем ордена: «Сам Господь Спаситель и истинный Великий Мастер наш Иисус Христос»¹⁰. Характерная деталь из быта русских массонов: у всех членов московских лож теоретического градуса в первой половине XIX века в кабинетах висели гравюры Тайной Вечери, символически представлявшие массонское братство как братство апостолов, возглавляемых Христом¹¹. О самосознании массонов как «истинных» апостолов будет сказано чуть позже.

Церковь и церковная жизнь становятся не нужны, т. к. посвященные в орден обретают совершенно особые способности и новые источники познания, более «подлинными», чем церковная традиция: «Ссылаюсь на самих вас и на то учение, которое нам уже передано и по которому мы уже вкусили сколь благостен есть Орден, что не должны ли мы, хоть с высочайшим благоговением признаться, что имеем уже удостоверение видеть то благостное и тайное Божией Премудрости, о чем Св. Царь Давид упоминает; ибо нам даны даже из внутреннего Ордена такие материалы, каковых внешние Христиане не имеют»¹².

Посвященный качественно отличается от обычного верующего, его христианство — «истинное», «внутреннее», «совершенное» и «высшее», т. к. открывает ему более высокие формы богопознания, непосредственно соединяя посвященного с Богом: «мы недовольны тем, чтобы удивляться Богу и почитать его токмо во всемогущем и премудром здании мира сего... и должны, ежели назначено нам, входить в самого Бога»¹³.

⁷ Речь о таинстве Евхаристии, произнесенная в великий пяток // НИОР РГБ. ф. 14. е. х. 316.— Л. 8.

⁸ Тезисы из бесед И. А. П [оздеева]. Часть вторая // НИОР РГБ. Ф. 14. е. х. 616.— С. 133.

⁹ Цит. по: Сахаров В. И. Массонство, литература и эзотерическая традиция // Массонство и русская литература XVIII — начала XIX вв.— М., 2000.— С. 20.

¹⁰ Великий четверток. Молитва. Массонские сочинения // НИОР РГБ. Ф. 13. к. 21. е. х. 24.— Л. 1.

¹¹ Арсеньев В. С. Воспоминания // Арсеньев В. С. Воспоминания. Дневник.— С. 120.

¹² Речь о таинстве Евхаристии, произнесенная в великий пяток. // НИОР РГБ. ф. 14. е. х. 316.— Л. 8.

¹³ Там же. Л. 9.

Подобный подход зафиксирован не только в этой речи и предполагает еще как минимум две позиции в отношении церкви. Во-первых, масоны утверждают, что они являются преемниками подлинной апостольской традиции, которая после разделения церковью сохранилась только в масонском братстве. Наиболее ясно эта позиция представлена в следующем тексте 1827 г.: «На Никейском Соборе были и Начальники Ордена, но увидев, какие разногласия воцарились в Христианинах, решили истинное учение онаго закрыть тайною от непросвященных»¹⁴. Далее, кстати, выясняется, что эти Начальники тождественны терапевтам и ессеям.

Ту же идею высказывал и один из лидеров московских розенкрейцеров И. А. Поздеев: «Со времен царя Константина, внутренняя церковь Божия скрывалась под завесою Ордена, когда начинала под разными видами искажаться, оставя непросвещенным наружную Церковь»¹⁵. В этих текстах четко сформулировано, что православная церковь как одна из раскольнических церковей утратила первоначальную апостольскую традицию, втайне охраняемую лишь во внутреннем круге масонского ордена.

Апостольский характер масонства зафиксирован и в тексте, более мягко относящемся к православию, о котором мы скажем чуть позже: «для настоящего орденского ученика нет разделения религии, ибо вера его исповедания глубоко основана на пра-вилах благочестия святаго Евангелия и учении святых апостолов»¹⁶.

В документе с характерным названием «О способе победить внешних христиан» также проводится идея о том, что особые силы, дарованные Богом апостолам, не могли исчезнуть с их смертью, т. к. Божественные дары и обетования вечны, а следовательно они должны были где-то сохраниться, кому-то передаваться и, разумеется, они сохранились в некоем «училище» и «братстве», которые явно тождественны масонству¹⁷. Это отождествление подтверждается и текстом В. С. Арсеньева «О степени мага»¹⁸, где описывается обряд принятия в высшую степень розенкрейцеровского ордена, причем «маги» отождествляются с апостолами и истинными священниками.

Во-вторых, по формулировке того же Поздеева, масонский орден как носитель подлинной христианской традиции волен освобождать людей от исполнения церковных обязанностей, обрядов, правил и т. д.: «Орден есть правление благодати, а потому выше закона, следовательно, и силен освободить от закона»¹⁹.

Достаточно отчетливая и показательная формулировка негативного отношения к православной церкви как церкви внешней зафиксирована в письме князя А. Н. Голицына баронессе Крюднер: «Вы давно уже не принадлежите к православной церкви. Вы, конечно, принадлежите к той внутренней церкви, главою которой служит Господь, но пока мы живем под здешней оболочкой... мы должны внешним образом принадлежать к одной из христианских церковей до тех пор, пока у нас будет один пастырь»²⁰. Как видно, в эсхатологической перспективе должно, по мысли масонов, произойти воз-

¹⁴ Записи об истинном христианстве // НИОР РГБ. ф. 14. е. х. 660.— Л. 1 об.

¹⁵ Тезисы из бесед И. А. П [оздеева]. Часть вторая // НИОР РГБ. Ф. 14. е. х. 616.— С. 154.

¹⁶ Беседа о некоторых предметах христианской религии // НИОР РГБ. Ф. 13. к. 19. е. х. 32.— Л. 3 об.

¹⁷ См.: О способе победить наружных христиан, суеверов, буквы одной держащихся // НИОР РГБ. Ф. 13. к. 32. е. х. 19.

¹⁸ См.: Арсеньев В. С. О степени мага. 17 января 1893 г. // НИОР РГБ. Ф. 13. к. 10. е. х. 10.— Л. 9–11.

¹⁹ Тезисы из бесед И. А. П [оздеева]. Часть вторая // НИОР РГБ. Ф. 14. е. х. 616.— С. 145.

²⁰ Цит. по: Фаджионатто Р. Александр Николаевич Голицын // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия — Воронеж, 2005.— С. 218–267.

вращение к первоначальному мистическому состоянию единства со Христом, которое было у апостолов, и любые церкви, в том числе и православная, станут не нужны. Однако, в промежуточный исторический период принадлежность церкви необходима, и на этом делается акцент во второй модели масонского отношения к православию.

Радикальная и оппозиционная модель отношения к православию все же, на мой взгляд, была не так распространена как вторая, более мягкая модель, в рамках которой православие выглядит как необходимое дополнение к масонству. Такое отношение, в частности, зафиксировано в тексте первой четверти XIX в., который в масонских архивах встречается под разными названиями: «Беседа о некоторых предметах христианской религии» (ф. 13. к. 19. е. х. 32), «Речи о Христе и Богородице» (ф. 14. е. х. 317), «Речь о разделении церквей» (ф. 14. е. х. 313). В частности, в нем читаем: «Апостольное Христианское благовестие началось на востоке, и человеки верующие во Иисуса Христа начались называться христианами на Востоке, и потому вера христианская и обряды служения оной начались также на востоке, и когда в орденских ваших работах вы возымеете какое сомнение, то можете утверждение оным увидеть и между обрядами восточной христианской церкви, ибо вы в ней найдете иероглифическое изображение таинств как храма Натуры, так и храма Благодати»²¹.

С одной стороны, отношение к православию здесь уже гораздо более позитивное — по сути, признается, что из всех ветвей христианства оно наиболее близко к первоначальному апостольскому учению, как и масонство. С другой стороны, очевидно, что обращение к обрядам и символам православной церкви носит не обязательный характер — к ним стоит обращаться только в случае сомнений в истинности масонских обрядов.

Такое же отношение мы можем найти и в известном трактате И. В. Лопухина: «Многие уставы и формы религии, наипаче Греческой, могут и должны приготовлять к правильнейшему и действительнейшему устроению духовных упражнений внутренняго богослужения»²². Понятно, что православная обрядность в данном случае — лишь дополнительное, вспомогательное средство, внешняя церковь — лишь подспорье внутренней, без которого в принципе можно и обойтись, но в некоторых случаях и для некоторых людей такое подспорье все-таки нужно.

В дневнике В. А. Бибикова, досточтимого мастера московских масонов, отчетливо прослеживается та же модель, в рамках которой «внешняя церковь» — лишь подспорье для «внутренней»: «Служение церковное нашей греческой религии включает в себе важнейшия таинства и высочайшия истины, которыя не будучи завернуты в грубой наружной форме, могли бы поглотить человека»²³. С одной стороны церковь несет в себе семена истины и тайн, а с другой стороны эти тайны явлены в ней только в грубой форме, чтобы смягчить восприятие истины, сделать ее «удобоприемной» для падших и испорченных грехом людей. Однако, для людей возрожденных, прошедших масонское посвящение и через него обновивших свою природу, очевидно, все эти грубые наружные обряды уже не нужны.

Такое же пренебрежительное отношение к внешней церкви как к чему-то вторичному, не имеющему смысла без масонства видим и в беседах «старца» Руфа Семеновича

²¹ Беседа о некоторых предметах христианской религии // НИОР РГБ. Ф. 13. к. 19. е. х. 32.— Л. 6.

²² Лопухин И. В. Некоторые черты о внутренней церкви // Он же. Масонские труды.— М., 1997.— С. 88–89.

²³ Дневник Бибикова 1835–36 гг. // НИОР РГБ. Ф. 14., ех. № 505.— Л. 3.

Степанова, одного из руководителей масонской ложи «Нептун»: «Иосиф Алексеевич (Поздеев) сказывал, что к нему писали, что у нас в России нет нужды в Параболическом масонстве, потому что в обрядах Церковных все заключается. Руф Семенович: Конечно, и у нас в обрядах есть все, да кто его приметить может. Ежели и нам зделалось нечто явственнее, то это от того, что привело нас к тому Масонство, а без того, что бы мы увидели?»²⁴. Как видно, не только православные обряды являются «введением» в масонство как подлинное христианство, но и масонство является «ключом», открывающим истинный смысл православных обрядов.

Вторичность и дополнительность православия по отношению к масонству в рамках этой модели становится еще более очевидна, когда мы читаем масонские толкования православных ритуалов. В той же «Беседе», например, утверждается: «В сей церкви всегласно говорят, что Премудрость есть Св. Богоматерь и даже в сей церкви уже явным образом нам представляют, что правая и левая страны могут сойтись в имени Божией матери и чрез нее единую войдут в радость Господа своего, не только человеки, но и вся тварь»²⁵. Тем самым русские масоны приписывают тексту православного богослужения собственные теософские идеи о Богоматери как воплощении Софии, о соединении в ее имени двух аспектов Божества — правой и левой стороны, Милосердия и Правосудия, света и тьмы, которые основаны в основном на учении Я. Беме и его последователей, а также на каббалистической теософии и не имеют никакого отношения к православию.

Далее в этом же тексте идут рассуждения о мощах и иконопочитании, которые, с одной стороны, защищают православные практики от полемики со стороны протестантов, но с другой стороны в качестве апологетических аргументов в пользу иконопочитания и поклонения мощам используются алхимические и магические идеи о «привлечении божественного света», «осолении», «помазании огнем и водой» и др.

Магическая интерпретация православного ритуала встречается, например, и в дневнике Бибикова, где о причастии говорится как о «магическом вожделении», «магическом алкании»²⁶.

Подобное же «вчитывание» оккультных и масонских смыслов в православный ритуал мы встречаем и в других текстах. Например, в одном из них православная литургия отождествляется с масонскими «работами» путем особого рода экзегезы: «Что Масонство есть истинное Христианство, сие доказывается одним взглядом на проскомидию. Как в первом предписывается в начале обтесывать дикий камень в кубический, так и на жертвеннике Священник прежде всего обрезывает просфору так, чтобы из нея вышло кубическое тело — изображающее краеугольный, основной камень, преобразующее в виде хлеба самого Христа. Самое название Литургии означает на греческом языке обрабатывание камня»²⁷.

В другом источнике, записной книжке С. С. Ланского, видного русского розенкрейцера, можно встретить следующее любопытное толкование: «когда священник или диакон во время литургии кадит, то обходя жертвенник и выходя из олтора

²⁴ Записки из бесед Р[уфа]. С[еменовича]. С[тепанова]. // НИОР РГБ. Ф. 14, е. х. № 671.— С. 192.

²⁵ Беседа о некоторых предметах христианской религии // НИОР РГБ. Ф. 13. к. 19. е. х. 32.— Л. 6 об.

²⁶ Дневник Бибикова 1835–36 гг. // НИОР РГБ. Ф. 14., е. х. № 505.— Л. 4.

²⁷ Записи об истинном христианстве // НИОР РГБ ф.14. е. х. 660.— Л. 8.

через царские врата, описывает сию фигуру меркурия (имеется ввиду алхимический знак)²⁸. С одной стороны, такое толкование утверждает ценность православного обряда, с другой стороны, сам обряд превращается в служение не Христу, а Гермесу-Меркурию, богу алхимиков (что опять же подчеркивает универсализм и синкретизм масонской мысли).

Такие алхимические толкования вообще характерны для масонских текстов, которые связывают алхимию и с Апостолами, и с самим Христом: «Есть предание, что некоторые из них (апостолов) для обращения к вере во Иисуса употребляли убеждения философской работы»²⁹; «это доказывает пример Спасителя и его последователей, а также и Философская Работа своими опытами»³⁰. Философская Работа, о которой здесь идет речь,— традиционное обозначение алхимии. Вообще, для масонских текстов характерно уподобление крови Христа алхимической «тинктуре», причастия — «проекции», самого Христа — «философскому камню» или собственно алхимикам³¹. Тот же Руф Степанов, говоря, «какие важные намеки остались и в наружной церкви»³², имел ввиду алхимическую интерпретацию церковного брака как образа алхимического брака мужского и женского начал, Серы и Меркурия, Огня и Воды в самом человеке.

Тем самым, масонский, алхимический, теософский, магический, каббалистический символизм служил средством легитимации православного богослужения для масонов. Но если его было необходимо легитимировать, очевидно, его статус для масонов был сомнителен — к православному богослужению можно было прибегать как к дополнительному средству духовной работы, но только «правильно» его толкуя.

Наименее распространенной, но все же очень интересной, является последняя модель отношения русских масонов к православию — включение церковной практики в масонскую «работу». Эту модель можно обнаружить в сборнике «Молитвы», приписываемом В. А. Левшину, еще одному духовному руководителю московских розенкрейцеров³³. На странице 35 этого текста нарисована схема. В центре этой схемы находится круг, в котором нарисован знак масонского ордена (точка в круге) и написано «Свет Христов, просвещающий всех». Влево от этого круга отходит луч, в котором написано «Свет Натуры и священство онаго, вверенное истинным философам, имеющим опытные материи и власть совершать мастерскую в натуре работу». Надпись в правом луче гласит: «Свет Благодати и священство онаго, вверенное церковным служителям алтаря, имеющего власть совершать сакраментальные действия». Наконец, в нижнем, третьем луче написано: «Свет славы, сочетающий оба света воедино. Сюда мы теософским священством принадлежим, где священнодействует один Христос, а мы, братья внутреннего его Ордена, только внимаем».

²⁸ Цит. по: Пыпин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века.— Петроград, 1916.— С. 366–367.

²⁹ Лопухин И. В. Некоторые черты о внутренней церкви // Он же. Масонские труды.— М., 1997.— С. 71.

³⁰ Великий четверток. Молитва. Масонские сочинения // НИОР РГБ. Ф. 13. к. 21. е. х. 24.— Л. 3.

³¹ См., напр.: Речь о таинстве Евхаристии, произнесенная в великий пяток // НИОР РГБ. ф. 14. е. х. 316.

³² Записки из бесед Р[уфа]. С[еменовича]. С[тепанова]. // НИОР РГБ. Ф. 14, е. х. № 671.— С. 97.

³³ Левшин В. А. Молитвы // НИОР РГБ. Ф. 13. к. 5. е. х. 2.— С. 35.

В данной схеме отразилось общераспространенное в среде розенкрейцеров учение о трех светах³⁴ — свете Натуры, Разума и Откровения, которое восходит к идеям немецкого мистика Иоанна Арндта, и связывалось русскими масонами с другими триадами их доктрины (магия, каббала и теософия; тело, душа и дух; стихийное элементарное небо, эфирное ангельское небо и «эмпирическое» божественное небо; язычество, иудаизм и христианство и др.) и различными троичными символами масонской ложи и ритуала (в частности, символикой трех масонских «светочей»).

Реализация единства трех этих светов являлась главной целью ордена, суть деятельности которого виделась русским масонам как опытное познание Натуры, Человека и Бога, восхождение к единству с Божеством через познание Природы и самопознание. Три этих света «связаны» с тремя типами священства — алхимическим («истинные философы»), церковным («служители алтаря») и собственно орденским, или теософским, которое объединяет первые два в себе. Таким образом, с одной стороны, утверждается избранность и превосходство масонского ордена, «где священнодействует один Христос», а с другой стороны православное церковное священство включается в него как необходимый, хотя и подчиненный элемент, при этом опять же уравниваясь в своих правах с алхимией.

Отметим, что чуть ниже этой схемы есть и две других, на которых видно, что Свет Натуры отождествляется с алхимией, Свет Благодати с «кабалой», а Свет Славы с магией. Отсюда можно сделать вывод, что церковное священство как-то связано с каббалой (видимо, понимаемой как человеческое предание и традиция), что, конечно же, совершенно чуждо духу и букве православия.

Далее на той же странице под схемой мы видим следующий текст: «Три бо есть всегда священства: 1) Натуры (Отца), 2) Благодати (Сына), 3) Славы (Духа)». Здесь троичное учение масонов соединяется с общей эзотерической идеей розенкрейцеровского круга, восходящей еще к Иоахиму Флорскому, о трех стадиях откровения, предполагающей, что откровение Христова, откровение Сына должно смениться более высокой формой откровения Святого Духа, которое здесь приписывается, разумеется, масонскому ордену. Хотя это откровение и включает в себя два предыдущих, опираясь на них, оно также диалектически их снимает в себе. Тем самым православие оказывается как необходимым, так и пройденным этапом на пути к масонству как истинному христианству. Тем не менее в заключении автор текста еще раз подчеркивает: «один Орден триединого священства, т. е. они в Ордене неразрывны».

Похожую модель мы встречаем и в уже упоминавшемся тексте В. С. Арсеньева «О степени мага». В частности, на листе 3 мы находим таблицу, в которой проводятся параллели между масонством и церковным христианством: путь натуры — путь благодати, маготеософия-аскетизм, спагиротеософия-мистика, кабалотеософия-богословие, философия — священная традиция, параболическое масонство — религиозный символизм.

С одной стороны, эта таблица утверждает ценность христианства как аналога масонства. Однако, из комментариев к таблице следует, что «всего выше есть состояние апостольское, Христова апостола по существу, и пророческое. В нем соединяются священство благодати и священство натуры. Разделение одного из сих священств

³⁴ См. подробнее: Халтурин Ю. Л. Каббала и орденская символика в интерпретациях русских масонов конца XVIII — начала XIX в. // Известия Уральского государственного университета. — 2009. — № 4 (70). — С. 75–83.

от другого есть уже менее высокое состояние, хотя таинства благодати по сущности своей выше природы таинств»³⁵.

Комментарий опять же очень неопределенный: с одной стороны, путь благодати, церковный путь — выше пути природы, т. е. масонства, однако выше их обоих «состояние апостольское», т. е., как мы уже знаем, состояние мага — высшей степени розенкрейцерского масонства. Таким образом, и масонство, и православие диалектически соединяются и снимаются в розенкрейцерстве, и православие опять оказывается лишь частным проявлением более полной и совершенной формы откровения. Эту же мысль В. С. Арсеньев снова повторяет в своем дневнике: «Заблуждается в неразумении пути орденового тот, который, считая его отдельным неким от религии, теряет из виду то, что составляет существенное отличие направления сего: а именно учение природы. Простое религиозное направление представляет один свет, а здесь согласованы, по воле Божией, оба света... (Невежество, родившееся от нерадения моего о познании Премудрости, привело меня к забвению сего и сомнению об ордене. Прости меня, Господи)»³⁶.

Одной религии, как видно из текста, недостаточно для познания Премудрости, забвение об ордене и его значении воспринимается как вина — без масонства православие как бы пусто для автора дневника.

Итак, проанализированные источники позволяют выделить три модели отношения русских масонов к православию, каждая из которых является более мягкой, чем предыдущая. В рамках первой модели церковь противопоставляется масонству как «внешняя церковь» — «внутренней»; в рамках второй модели церковь оказывается преддверием масонства, а масонство — ключом к пониманию обрядов церкви; третья модель рассматривает церковь и масонство как два аспекта единой традиции, причем церковь включается в масонство, но не наоборот.

На разных этапах истории масонства «братья» различных систем и степеней посвящения делали акцент на той или иной модели отношения к церкви, в зависимости от исторической ситуации и личных взглядов. Однако чаще всего в масонских текстах можно встретить смешение различных подходов с преобладанием той или иной модели.

Уникальным в этом отношении документом является дневник В. С. Арсеньева, где можно встретить все возможные точки зрения масонов на церковь, отражающие как эволюцию мнений автора дневника, так и мнения других масонов. Так, в более ранних записях можно встретить такие фразы, как «невежественные проповеди каких-нибудь православных священников», «шатания церкви, ибо и Православие и Католичество и секты в смятении», упоминания о братьях, которые «берут себе монополию истинной религии, отвергают Церковь», утверждение что «одно догматическое учение не утверждает в вере», о «коренном отличии ордена от монашества»³⁷. В более же поздних записях уже говорится о масонстве как «оплоте Церкви», о «единстве истинного монашества с истинным Свободным Каменщицеством», «что в Церкви все есть», «что Св. Церковь и есть центр ордена», «что в церкви нашей все тайны сокрыты»³⁸. Такое разнообразие взглядов на церковь и постепенное движение от критики церкви к полному отождествлению с ней весьма показательны и требуют дальнейшего исторического осмысления.

³⁵ Арсеньев В. С. О степени мага. 17 января 1893 г. // НИОР РГБ. Ф. 13. к. 10. е. х. 10.— Л. 3.

³⁶ Арсеньев В. С. Дневник // Арсеньев В. С. Воспоминания. Дневник.— С. 270.

³⁷ Арсеньев В. С. Воспоминания и дневник.— СПб., 2005.— С. 269, 273, 276, 277, 278.

³⁸ Там же. С. 288, 298, 299, 304, 327.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев В. С. Воспоминания и дневник. — СПб., 2005.
2. Арсеньев В. С. О степени мага. 17 января 1893 г. // НИОР РГБ. Ф. 13. к. 10. е. х. 10.
3. Беседа о некоторых предметах христианской религии // НИОР РГБ. Ф. 13. к. 19. е. х. 32.
4. Великий четверток. Молитва. Массонские сочинения // НИОР РГБ. Ф. 13. к. 21. е. х. 24.
5. Дневник Бибилова 1835–36 гг. // НИОР РГБ. Ф. 14. е. х. № 505.
6. Записи об истинном христианстве // НИОР РГБ ф.14. е. х. 660.
7. Записки из бесед Р[уфа]. С[еменовича]. С[тепанова]. // НИОР РГБ. Ф. 14, е. х. № 671.
8. Зеньковский В. В. История русской философии. — Т. 1. — Ч. 1. — Л., 1991.
9. Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. — СПб., 2005.
10. Левшин В. А. Молитвы // НИОР РГБ. Ф. 13. к. 5. е. х. 2.
11. Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. — М., 1867.
12. Лопухин И. В. Некоторые черты о внутренней церкви // Он же. Массонские труды — М., 1997. — С. 77–149.
13. Милуков А. П. Значение масонства в истории общественного развития России // Покровский В. И. Николай Иванович Новиков: его жизнь и сочинения — М., 2010. — С. 125–136.
14. Незеленов Н. И. Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769–1789 годов — СПб., 1875.
15. О способе победить наружных христиан, суеверов, буквы одной держащихся // НИОР РГБ. Ф. 13. к. 32. е. х. 19.
16. Пыпин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. — Петроград, 1916.
17. Пыпин А. Н. Существенные черты русского масонства в XVIII столетии // Покровский В. И. Николай Иванович Новиков: его жизнь и сочинения — М., 2010.
18. Речь о таинстве Евхаристии, произнесенная в великий пяток // НИОР РГБ. ф. 14. е. х. 316.
19. Сахаров В. И. Масонство, литература и эзотерическая традиция // Масонство и русская литература XVIII — начала XIX вв. — М., 2000. — С. 3–30.
20. Соколовская Т. О. Русское масонство и его значение в истории русского общественного движения (XVIII и первая четверть XIX-го века). — СПб., 1907.
21. Тезисы из бесед И. А. П[оздеева]. Часть вторая // НИОР РГБ. Ф. 14. е. х. 616.
22. Фаджионатто Р. Александр Николаевич Голицын // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. — Воронеж, 2005. — С. 218–267.
23. Халтурин Ю. Л. Каббала и орденовая символика в интерпретациях русских масонов конца XVIII — начала XIX в. // Известия Уральского государственного университета. — 2009. — № 4 (70). — С. 75–83.